

ИХИЛОВ
МИХАИЛ МАТАТОВИЧ:
ученый, воин, гражданин

Сборник статей

Уважаемый Шагум!
Был бы тебе Михаил Мататович,
он обязательно откликнулся бы
на Ваше замечательное исследование
о Вашем славно рожденном
и боевом поэте!

Они близки по мужественной
борьбе за справедливость!

Желаю удачного завершения
Вашей галактичной эпопеи!

Тамара Мусахенова

27.01.2010 г.

Издательский дом «Народы Дагестана»

Махачкала 2004

Махакале

5 марта, 2010г

Дорогой!

Шамун Авшалунович!

Простите меня, пожалуйста, за длительный
отсутствие моего отклика на Вашу замечатель-
ную книгу о жизни и творчестве нашего известного
Поэта, Мардахаэ Ошолоума "Сибирь" (1850-1925).

С прошлого года нахожусь в таком физи-
ческом состоянии, что не могла справиться
не только с возможной статьей, да и
вразумительно ответить Вам благодарностью
за книгу и внимание мне.

Должна сказать правду, простите
меня за это: Ваша книга оказалась
для меня психологически очень трудной,
нежданно трудной, своим пронзитель-
ными эмоциональными акцентами, про-
никновенными в душу, исключившими
поначалу мысль о возможном
"деловом" разговоре.

Прежде всего примите мое
искреннее соболезнование в связи с
Вашей Великой утратой!

Храни Вас Бог, чтоб Вы смогли

посвящая светлой памяти Вашего сына
еще много новых своих работ!

А время бежало, углубляя мое нездоровье
в себя и вину за камушек, кившим
Вам, хотя мысленно была с Вами,
много раз пыталась Вам ответить, но
у меня ничего не получалось: «рука
не шла!»

Еще раз желаю Вам здоровья, здоровья
и исполнения Ваших творческих планов!

Хоро кудык Вал во всем!

С глубоким уважением и

признательностью:

Ваша Тамара Мусаканова

Махачкала,
5 марта 2010г.

Дорогой
Шамиль Абушамулов!

Понимаю, что уже не имею права откладывать ответ на Вашу просьбу!

Спасибо за доверие моему мнению, воспринимаемое мной большим комплиментом, понятен и Ваш авторский интерес к любому читательскому мнению.

Вернула меня к рабочему ритму книга «Ритмы жизни», посвященная юбилею Ноберта Евдаева, изданная нашим знаменитым музыковедом Манаширом Якубовым в Москве. В ней столько света, высоких устремлений, надежды и веры в возможности человека!

Особенно на меня повлияла статья Йонатана Мишиева: его упрек в общественной инертности наших соотечественников там у Вас, стал и для меня каким-то укором.

Я села за письмо ему ионо «пошло»!

Тут же с благодарностью позвонила ему. Это письмо потом передала ему с Геннадием Сосуновым с небольшой припиской для Вас с извинением, что не смогла с ним и Вам прислать заверченный текст моего письма, в связи со смертью моего двоюродного брата, а вскоре потеряла и другого близкого для меня человека, после моего 3-х месячного ухода за ним...

И только теперь чуть- чуть прихожу в себя. Решила прежде всего ответить Вам, чтобы у Вас не сложилось превратного мнения обо мне,

А сегодня уже 1 октября

Пишу лишь общее впечатление о Вашей книге только для Вас!

Но не для печати!

Может быть потом, попозже Вы сумеете из Него сделать устраивающий Вас вариант, но сейчас я не готова к «общению» с читателем, во-первых, по своему душевому состоянию, во-вторых (и это главное) из-за хамской статьи фальсификаторов нашей истории в мой адрес, в ответ на мое приветствие работе

прошлогодней конференции в Дербенте по истории горских евреев, направленном туда по просьбе Оргкомитета этого исторически важного **научного форума**¹.

Ваша книга заслуживает большой благодарности!

Воспринимаю ее как свежее «слово» в нашей культуре в целом! Это интересное исследование, намечающее все сложные перипетии судьбы поэта-бунтаря из Дербента, выразителя народных интересов горских евреев. Мардахая Авшалума, свидетельствующие о глубоко научных Ваших принципах, что для меня стало неожиданным открытием!

Мне не приходилось читать такой яркой работы, свободной от наших комплексов «единомыслия» по истории нашей литературы и в частности, о ее ведущих фигурах, обретающих пока всё еще формы стандартных жизнеописаний. Пожалуй, из всех предшествующих работ (еще малочисленных), посвященных персоналиям, выделяется книга Амалдана Кукуллу, изданная им в Москве в 1995 г., с которой перекликается Ваша работа.

Мне очень понравилась Ваша высокая оценка его вклада в сборе, изучении и публикации произведений нашего Поэта, восторженным почитателем которого он стал. Но Амалдан не успел реализовать все свои планы, хотя заложил путь для новых исследований.

Ваша же работа, опубликованная почти через 15 лет после его книги, естественно, уже выполнена на другом уровне.

Вы от начала до конца своего труда выдерживаете этот уровень, о чем свидетельствует Ваша полемика с двумя нашими «литературными авторитетами», как Вы их назвали (вполне узнаваемых), при всей Вашей тактичности, очень поучительной и определяющей с самого начала своеобразие Вашего труда.

Вся система приведенных фактов из жизни Героя книги, подлинного Поэта-Гражданина, страстная убедительность Ваших доводов, опровергающих суждения этих «авторитетов», необычность жанра исследования, его композиции, привлечение ценных материалов, которые не были столь глубоко осмыслены с научной точки зрения, не говоря о своеобразии языка и стиля изложения и прекрасном художественном оформлении и многое другое, наглядно убеждает в том, что на современном этапе лучше Вас, никто не разбирается в истории жизни

¹ См. «Приложение»

и смерти нашего Поэта, обозначившего своим творчеством рождение новой письменной культуры горских евреев конца XIX-начала XX вв., вплоть до середины 20х советских годов.

Вам удалось проникновенно рассказать о его величественной и трагической судьбе, внося много необходимых уточнений.

Несмотря на пропажу рукописей Поэта, о чем Вы с болью рассказываете, и отсутствием некоторых звеньев в осмыслении подробностей его биографии, Вы сумели создать живой и объемный образ подлинного Героя, мужественного человека, чьи произведения жили и живут и в устном виде в нашем народе почти 150 лет!

Действительно, богатырское здоровье, сила духа и любовь к своему народу и к жене Наргуз, которой посылал пламенные строки, позволили ему пережить многократные ссылки в Сибирь, откуда он умудрялся вырываться домой, за что был прозван «Сибирским» (Сибири) и принять участие в 1919 г., уже немолодым человеком в борьбе за народную власть, как ему (и нам всем потом) казалось.

Горько сознавать, что в этот период, когда наступал для него этап вдохновенного творчества, **Он был предательски убит!**

Ваш термин «Классик» действительно узаконивает его роль в развитии новых демократических черт нашей литературы.

Все разделы книги хорошо отражают новаторскую сущность Вашей работы.

Остановлюсь на последнем разделе исследования, кстати самым большим, теперь представляющим «Золотой Фонд» творчества Мардахая Авшалума, где собраны все произведения его, записи которых были осуществлены в разные годы восторженными почитателями его таланта, нашими известными поэтами разного поколения:

Даниилом Атниловым (1915-1968)

Амалданом Кукулиевым (1937-2000)

Борисом Гавриловым (1908-1961)

Семеном Юсуфовым (1999-1961).

Светлой им памяти! А Вам низкий поклон!

Помню в 1990 г. в Москве восторженный рассказ Амала о своих Дербентских записях, удивленного любовью земляков и их доброй памятью о своем Поэте! Он мне показывал целый мешок своих записей.

Наверно, Ваш рассказ о знакомстве с Амалом в Москве у книжного магазина и о том, как в Израиле попало Вам в руки подлинное фото Классика, было, как говорится, «Божьим промыслом!»

Воистину: «Кто ищет, тот всегда найдет!»

Этот исторически значимый раздел, вновь подчеркивает принципиальное различие в осмыслении жизни и гибели нашего известного Поэта Вами и теми двумя «авторитетами»!

Вы стремитесь к истине, к восстановлению Правды о жизни и гибели Классика, самое главное – стремитесь восстановить основной «корпус» его произведений с возможной полнотой!

А они стремятся «застолбить» свои имена в исследователях знаменитого Классика, интерес к которому не пропадает в нашем народе.

Ваша работа очень нужна, особенно теперь, когда горские евреи рассеялись по многим странам на четырех континентах Мира! Слышала, что уже и в Австралии живет небольшая группа наших людей, сохраняя любовь и верность своим «кавказским корням»!

Надо обязательно отправлять все книги, выходящие там у Вас, в библиотеки общинных центров зарубежья, обязательно в «Ленинку» в Москве, и нам, хотя бы в Научную библиотеку ДНЦ РАН. На все это потребуется 10-12 экземпляров. Советую авторам не экономить на этом!

Вы не задумывались, почему старший в этом «тандеме» литературных «авторитетов» так и не опубликовал собранный им материал по творчеству Классика, работая в нашем Институте до войны, хотя бы, как это осуществил Данил Атнилов после возвращения с фронта?

Любопытна в этом отношении его позиция, проявившаяся при издании Институтом его книги «Фольклер тати» («Эн джууриндгьгии») в 1940 г.

В этой книге – 193 стр. После его очень обширного «Предисловия» (Пушой гьофи), представлены большие разделы наших сказок, колыбельных песен, пословиц и поговорок, приводятся и азербайджанские доброжелания, зытующи в нашем народе. Значительную часть эд-ка составляют мате-риалы советского периода.

В самом конце книги, где даны частушки «Мэгънигьой хэйтогьий» идет «Эз мэгънигьой Мердехэй», под которым без названия приводится 13 четверостиший Классика, известных теперь как цикл «Перед судом», затем после трех точек публикуются еще 2 четверостишия той же темы, без внятной информации об

авторе. В «Предисловии», где дается полная информация о составе книги и ее авторах, этот Автор вообще не упоминается!

В «Комментариях» в конце книги читаем опять ^{последнюю} **безликую фразу:**
 «Метелегъо, мэгІнигъой хэйгогъии, ~~Эз~~ мэгІнигъой Мердэхэй, ве хубо воегъо нуувуьсте оморет эдесдин М. Дадашев ве Хь Авшалумовевоз» (с. 193).

Здесь явная попытка скрыть свою связь с этим автором, хотя он знал все его произведения наизусть, в чем я убедилась в середине 70-х гг. у него дома, когда он весь вечер с большим вдохновением декламировал их.

В ту пору я очень дружила с ним и его женой, одна из младших ее сестер была моей школьной подругой, а потом «раздружилась» с ним навсегда из-за начавшейся фальсификации им и его компанией нашей истории.

Несмотря на наши нарушившиеся отношения, я стараюсь быть объективной, и понять почему он проявил такую осторожность и робость в представлении читателю творчества нашего Поэта в 1940 г. Видимо, тогда он не хотел развернутого рассказа о Поэте, т.к. пришлось бы и о своем тесте рабби Асоиле поведать читателю, ведь еврейский раввин-родственник мешал ему самому, вышедшему из религиозной среды, мешал его амбициям, притом, что тесть отказался от своего сана в первые же советские годы и существовавших между ними теплых семейных отношений!

Только с наступлением перемен в стране и меняющимся отношением к служителям религии, написал он ту статью, о которой Вы говорите, затем последовала статья и второго литературного «авторитета».

Ваша отповедь обоим авторам в серьезных изъянах их версий, намеренном искажении продолжительности поэтической биографии Классика и сокрытии ими причины гибели Поэта, справедлива!

Ваша работа, обнаружившая не только Ваш исследовательский дар, ориентированный на современные методы литературной науки, но и Вашу художественную многоодаренность, стала для меня приятным сюрпризом.

Вы предстае не только серьезным исследователем, публицистом, достаточно умелым переводчиком Классика на русский язык, но и талантливым иллюстратором и художником.

Приложенные в конце книги снимки, дают представление о тематическом и жанровым разнообразии ваших полотен, тяготеющих и к классическим формам реализма, и к модным теперь экспериментам с цветовой гаммой рисунка, порой у некоторых авторов, на мой взгляд, зашкаливающих до потери здравого смысла.

от кого
записано
публикации
произведе-
ний

Часто нельзя понять, что этими цветовыми пятнами на картине хотел рассказать автор. Их «концептуальность» до меня не доходит!

А у Вас все понятно, при всей замысловатости сюжета многих работ, данных порой с юмором. Сюжет их можно пересказать. Интересны и Ваши сатирические типы. Впечатляют Ваши гобелены, плакаты, «батик», совсем новый для меня вид искусства по шелку, требующий огромной сосредоточенности, мастерства и терпения.

Приложенная в конце книги необходимая краткая автобиографическая справка, очень помогает знакомству с Вами, этапами Вашей жизни и пониманию Ваших художественных пристрастий, в хорошем смысле этого слова, хотя мне не хватает в этой справке точности: сколько же лет Вы жили в Москве. (Об этом чуть позже скажу).

В конце знакомства с этим трудом читатель проникается Вашим утверждением его жанра:

« Книга-Альбом »,

фиксирующим на вечную память в слове и в красках, в подлинных фотографиях Классика, его родных, любимой жены и других подлинных документах истории Дербента и Дагестана, вместе с Вашими иллюстрациями, факт трагической и возвышенной жизни Поэта-Гражданина, все произведения которого обращены к родному Дербенту.

Надеюсь, искусствоведы найдут в этом «Альбоме» темы, интересные для них.

Я же остановлюсь на иллюстрациях, создающих поэтический образ Дербента, со знаменитой крепостью, воспетой самим Поэтом.

2 Для меня всё здесь необычно.

Уже, беря в руки книгу, чувствуешь, что прикасаешься к памятнику: тяжелый переплет оттягивает руку и воплощен в нежно красно-коричневые тона гранитного памятника. Усиливает это ощущение памятника и оформление верхней обложки Альбома в традициях настоящего надгробья, где почти на всю обложку дан в золотистой рамочке, как из сусального золота, портрет сидящего на стуле Поэта с цепями на руках и ногах, прекрасно выполненный с подлинного его фото. Под этим изображением очень крупными буквами читается фамилия героя Альбома, основные даты его жизни со словами «Легендарный» и «Сибири», которые являются и названием книги.

И даже перечень его заслуг под рамочкой звучит как эпитафия:

«Правдолюбец .Бунтарь- Одиночка.

Народный заступник.

Поэт- Классик горских евреев».

Свое же авторское присутствие в книге Вы скромно обозначили в самом верху над рамочкой, сосредоточив все внимание читателя на Герое книги. На обложке все очень строго, ни одного лишнего слова.

Впечатляет строгостью и фorzaц Альбома: - в темно-серо-сиреневых тонах гранита.

Прекрасно оформлен и титульный лист, но уже с эмоциональным Вашим обращением к читателям, которым презентуете свой труд, с добрыми пожеланиями на русском языке и на иврите, данном в замечательном символе евреев; медальоне в виде открытой ладони с пятью пальцами, интересно оформленным.

Главное же художественное восприятие, после первых 14 страниц «От составителя», лапидарно и четко поясняющего цель работы, создается на мой взгляд, последующими 135-ю страницами, где все повествование идет в прекрасном художественном обрамлении в виде старой каменной арки ворот по краям каждой странице, сквозь которую вверху страницы видна панорама знаменитой крепости в удивительных красках Рассвета, придающим ее серо-белым каменным строениям и нежно-зеленой траве у их подножия какую-то сказочность!

В этих обрамлениях Вы предстаеae подлинным мастером- живописцем. Если увеличить эту верхнюю миниатюру Дербента до размера Ваших обычных полотен, то Вы можете ее представить на любую художественную выставку. Мне знакомы работы многих «старых» мастеров, но такого изображения древнего Дербента, вроде, ни у кого нет.

От Вашей миниатюры трудно оторваться она не назойлива, не кричаща, по-своему способствует эстетическому восприятию жанра «Книги-Альбома».

В связи с моим обращением к Вашему литературно-художественному труду, совпавшим со знакомством с книгой « Ритмы жизни» о Ноберте Евдаеве, которого наш Манашир Якубов назвал «Ренессансным человеком», мне тоже захотелось Вас так назвать, хотя подумалось: «не натянута ли будет такая характеристика, ведь Ноберт Евдаев не только ученый, исследователь, журналист, поэт, переводчик, художник, но и музыкант».

Внимательно рассмотрев серию Ваших картин «Музыкальная смесь», «Музыкальный фейерверк» и 2 триптиха на эту тему, поняла и Вы, как наш уважаемый профессор Евдаев, «Швец и жнец, и на дуде игрец!», с чем Вас и поздравляю, и желаю новых творческих успехов!

Вы можете на материалах этой книги и диссертацию защитить! В связи с подготовкой нового дополненного варианта этого труда.

Не зная, каких вопросов Вы будете касаться, по ходу знакомства у возникло меня несколько пожеланий.

Хотя хорошо понимаю жанр «Книги-Альбома» не безразмерный.

Первое пожелание.

Вы уклонились от необходимости объяснения своего утверждения о том, что Он творил на «Джуури». Этот термин, действительно, вошел в современную науку, с обозначением лишь названия нашего еврейско-татского языка, в отличии от языка исконных татов (давно слившихся с азербайджанцами), подобно терминам – «идиш» (для названия языка европейских евреев) и «ладино» – (для испаноязычных евреев). Все эти термины обозначают «еврейский язык», на которых изъясняются между собой большинство современных евреев мира.

Вопрос же о древне-еврейском алфавите, которым пользовались наши Оба тюркоязычных поэта, остался не обозначенным.

по ходу дальнейшего изложения не получил продолжения.

Не поняла почему Вы совсем вроде забыли об этом вопросе, хотя полагаю, Вы хорошо знаете оба Они свои стихи создавали с использованием ивритской графики.

Даже, если Мардахай Авшалум знал арабский язык, свои письма в стихах, адресованные жене и близким родственникам, в том числе вашему Отцу, он записывал ивритским алфавитом. Это же очевидно (Никто из его родных не владел арабской грамотой!).

Оба Поэта творили на диалекте дербентских азербайджанцев, очень отличающимся от языка высокой поэзии в самом Азербайджане, заложенного корифеем тюркоязычной поэзии, великим Мухаммедом Физули (1494-1556).

И известный представитель дагестанской литературы, старший современник наших обоих Поэтов, представитель Южного Дагестана, лезгин Гасан Алкадари (1834-1910), большой знаток арабо-письменной культуры и сам творивший на

арабском языке, свою историческую книгу «Асари Дагестан» создал на диалекте азербайджанского языка, близкого языку наших двух Поэтов.

Наши оба автора творили в традициях «Ашугской поэзии», отражая пробуждение личности трудового человека, втянутого со своим Дербентом в общекавказский и общероссийский исторический процесс конца XIX-начала XX вв.

...Вдруг только сейчас до меня дошло, почему, зафиксировав этот важный аспект, Вы ограничились лишь постановкой вопроса!

Поняла Вас: не имея ни одного подлинного текста Мардахая Авшалума, в связи с пропажей его рукописей, Вы не смогли продолжить эту тему!

На примере рукописей Шаула Симанду можно более утвердительно говорить о древне-еврейской графике их произведений, и даже в отличие от безграмотного известного их современника, лезгина Сулеймана Стальского, получившего в начале 30-х гг. широкое признание, особенно после Первого всесоюзного съезда писателей СССР в Москве в сентябре 1934 г.

Его громкая слава произошла не без поддержки Первого секретаря Дагестанского обкома партии Дж.Коркмасова

Наши оба Поэта такой поддержки не имели, более того: в изданный к июню 1934 г. к Первому съезду советских писателей Дагестана, первого большого коллективного сборника, типа антологии «Шогьиргъой тати», под редакцией Главного Лидера горских евреев тех лет, Ехиила Мататова, автора обширного предисловия к сборнику, нашим двум этим Поэтам была посвящена **лишь одна фраза, вычеркнувшая их из рядов советских литераторов, относя их к фольклору.**

Тогда уже не было в живых самого Мардахая Авшалума. А Шаул Симанду, вероятно, не смог противостоять этой характеристике боевого Лидера нашей народности.

(Кстати, этим фактом можно объяснить и «боязливость» составителя книги «Фольклор тати», о чем я упоминала раньше)

О Мардахая Авшалуме я с детства слышала рассказы моей Мамы, она часто повторяла его строки, обращенные к жене.

А Шаула Симанду хорошо сама помню, наши дома были рядом по ул. Ленина, напротив и чуть выше гостиницы.

Он мне запомнился старым и невысокого роста, в очках, очень внимательно рассматривающим проходящих мимо людей. Почему-то все члены его семьи

летом выходили на улицу под тень высоких деревьев, теперь понимаю из-за расположения их дома на солнцепёке.

Перед узкой открытой верандой их дома не было ни одного дерева, т.к. почти вся территория их части двора, примыкавшая к дому, состояла из глубокого подвала, крыша которого чуть возвышалась перед верандой, в конце двора росло несколько кустов винограда и росло какое-то почти высохшее вишневое дерево. А у нас перед такой же открытой верандой росло огромное айвовое дерево, дававшее тень и была беседка, с оплетающими ее виноградными кустами и вьющимися розами и далее вся территория нашей части двора была в цветах и нескольких фруктовых деревьях.

Кто знал, что спустя 38 лет после нашего переезда в Махачкалу, откуда я часто приезжала в Дербент, мне будет суждено приехать в родной город **специально** для знакомства с творчеством моего соседа, Шаула Симанду!

Тогда мне пришлось видеть рукописи Поэта на иврите, переписанные старшим Сыном Поэта и их копии, переведенные им же на кириллице, врученные мне с просьбой, обязательно их вернуть, что и было мною позже с благодарностью выполнено.

На мой вопрос о подлинниках, Сын заверил меня об идентичности копий подлинникам, которые спрятаны и он не решается их трогать. Поняла я так: тексты, вероятно, стали ветхими и он не может их «тревожить»!

В настоящее время в Израиле, проживает младший сын Шаула Симанду, тоже Поэт, обратитесь к нему. Почему-то лет 5-6 тому назад, будучи в Махачкале, Он спрашивал у меня по телефону вернула ли я те копии, которые мне дал его старший брат.*

По тексту книги не уловила Вашего общения с ним или его потомками.

Он может дать Вам полную информацию по интересующему Вас вопросу. Если сохранены рукописи Отца, хотя бы два произведения сфотографируйте полностью. В крайнем случае, запишите Его рассказ о графике произведений Отца. Это тоже очень важно.

Вы сами хорошо понимаете, без таких дополнений не будет «Новым» готовящееся издание.

Может все это уже учтено Вами, и я зря «распинаюсь»!

* Теперь думаю: они хранили рукописи в подвале; что могло ~~повредить~~ повредить сохранности их.

он может и больше изг. преем. Ю. 1

Второе пожелание мое

Вновь связано с включением в книгу новых фактов, необходимых, в связи с узаконением термина: «Классик», требующим на мой взгляд, сравнительно-сопоставительного ряда, т.е ФОНА.

Может, не нарушая «целостности» проделанной Вами работы, дать его в качестве «Эпилога» в конце книги на одной или двух страницах, наметив лишь вопросы, которые будут затронуты.

Ведь Мардахай ~~Авшалум~~^{Авшалум}, периодически отторгнутый от этого литературно-культурного ряда, сохранил корневую связь со своим народом в его древнееврейской графике, развивая национальные и общекавказские традиции **высокой поэзии** времени.

Восхваление и воспевание женщины, не говоря уже о ярко выраженных социальных противоречиях в его поэзии, были историческим откликом ^{Тогда} ~~его~~ на «Зов времени»!

За этим пожеланием мне представляется будущая Ваша новая работа, понимая, **что с этой темой Вы связаны на всю жизнь.** *Может следует* наметить лишь основные акценты будущего труда, подготавливая читателей к встрече с новой Вашей книгой, которую можно назвать «Портрет на фоне» или как-то иначе, может быть даже пафосно:

«Мардахай Авшалумов в созвездии авторов письменной культуры горских евреев 90-х гг. XIX и начала XX в.». Хотя я не люблю таких громких названий, обожаемых многими здесь, но по своей сути это название, отражает нашу литературную ситуацию той эпохи.

Один перечень имен его современников чего стоит! Вместе они представляют Золотой фонд нашей культуры! И какие разные таланты!

Для меня святы их имена! *Ведь потом все они будут включены в нашу историю. Поэзия будет развиваться в русле* **Это был настоящий творческий взлет нашей письменной культуры!** *попыт. анал. грр*

Думаю Вам известны их имена и по силам поднять новый аспект будущей книги, надо же выходить за пределы уже достигнутого, чтобы не было «топтания на месте»!

Одобрю Ваше стремление сделать этот раздел типологически близким всей письменной культуре народностей Дагестана той эпохи, перечисляя подобные фигуры дагестанской литературы. Но Вашу книгу не знают в научном мире Дагестана.

Надо позаботиться, чтобы Ваша книга стала доступна и нашей науке. Лидер горских евреев, отлучивший от литературы Мардахая Авшалума и Шаула Симанду, будет возмущаться на страницах нашей газеты «Захметкеш» появлением на ее страницах (например в 1933) нескольких произведений любовной лирики, по его утверждению, «отвлекавших колхозников от трудового энтузиазма, накануне сельскохозяйственных работ».

Ему будет вторить и молодой лидер горских евреев Азербайджана, упрекая двух выдающихся наших молодых талантливых литераторов, кузенов из Дербента, выступавших под псевдонимами, в безыдейности»!

И все-таки на этом фоне доносов, изгнания свободно мыслящих людей, в нашем народе продолжала жить полная трепетных человеческих чувств поэзия Мардахая Авшалума, его Лирика «разума и сердца», о чем свидетельствовал полный мешок записей его песен Амалом Кукулиевым в 1965г. в Дербенте, с ~~записями~~ ~~которых~~ я познакомилась в начале 90-х гг. XX в.

Поэтому повторяюсь: надо обязательно все «добротные» новые труды, издающиеся там у Вас, присылать сюда! Иначе они не будут фактом для научной общественности Дагестана.

Наши соплеменники из Азербайджана, живущие в Израиле, имеют более тесные творческие связи со своей Родиной, чем наши горские евреи из Дагестана.

Это и понятно: там и Правительство, и земляки совершенно иначе себя ведут. (Об этом есть в моей статье, в сборнике, посвященной памяти Михаила Мататовича.)

У нас же на официальном уровне очень редко попадает в Дагестанскую печать информация о научной и культурной жизни горских евреев **не только в Израиле, но и в Москве, где сложился один из ведущих Центров мира по изучению истории и культуры горских евреев.**

Несколько человек здесь из наших соплеменников, сделавших карьеру на искажении нашей истории, рекрутирующие своих сторонников, к сожалению, до сих пор влияют на этот «микроклимат» в Дербенте и в целом в Дагестане. Остается ощущение, что руководители Республики отдали на откуп этой «группе» нашу историю, сбросив с себя всякие беспокойства по этому поводу!

К сожалению, изданный в 2005 г. одной книгой «Татско-Русский и Русско-Татский словари горских евреев», подготовленный Э.Б. Изгияевой, ушедшей из жизни до его распространения, так и не дошел до нашего Научного Центра РАН.

В нашем институте ЯЛИ ДНЦ РАН сейчас развернута большая работа по исследованию почти всех, даже бесписьменных языков, а наш язык – один из первых 5-ти литературных языков, остается без исследователя. Работавшую до этого в Институте талантливую молодую сотрудницу, с золотой медалью окончившую школу, с отличием ДГУ, затем аспирантуру, успешно публиковавшую свои разыскания по нашему языку, имевшую свой взгляд о социолингвистической характеристике нашего языка, эта группа, (теперь уже во главе с Нисоном Гилядовым, ставшим оруженосцем своих старших по группе), буквально затравила. Она вынуждена была уйти из института, к сожалению, дирекция в этом случае не оказалась «на высоте».

Придется, наверно, мне купить 2 экз. этой книги и подарить Институту, хотя я вижу все «огрехи» этого труда. *(Потом Игорь Семенин нашёл неких авторов)*

На начальном этапе работы *автора над «Словарем»*, мне пришлось много повозиться с ней в качестве рецензента... *и др. Рига Кужьспра к не.*

Теперь уже всего не расскажешь, в каком первоначальном состоянии был этот труд!

В последние годы, когда нашим фольклористам и языковедам все-таки требуется сравнительно-сопоставительный ряд и на татском языке, они обращаются ко мне.

Года два тому назад заведующий отделом *лексикологии и лексикографии* уговорил меня принять участие в работе по татскому языку в томе «Словарь языков и диалектов народов Кавказа», изданном теперь в Мюнхене в 2010 г. Он обещал упомянуть и мое имя в своем «Предисловии» к разделу о Дагестанских языках. Сам с семьей уехал в Мюнхен работать над изданием книги.

Теперь, когда этот большой и красивый том попал к нам в Институт, оказалось он обошелся без упоминания меня. Он продолжает пока работать в Германии ...

Вообще-то такую работу я делаю бескорыстно для своих друзей-коллег, и они мне помогают, когда мне нужны параллели на их языках.

А этот тип через каждую неделю звонил и нервировал меня своими *иезуитскими* допросами и контролем, постоянным предупреждением, чтобы я не подвела со сроками.

Для меня эта работа была не из легких, *хотя и все 100 евро тогда выманил*. Помню как он сиял, когда вручила ему этот материал.

3. Теперь остановлюсь на отдельных мелких пожеланиях.

Что делать, если в чужой работе видишь «огрехи», а в своей их не замечаешь. Постараюсь быть объективной.

А. По ходу Вашего изложения встречаются отдельные моменты, связанные с проявлением нашей **советской риторики**.

Например, что плохого в том, что наши дербентские «богачи», среди которых были не только горские евреи, но и азербайджанцы и армяне, преподнесли, посетившему Дербент в 1913г. Императору России Николаю II, в честь 300-летия «Дома Романовых» и окончания строительства Кавказской железной дороги до Баку, великолепные два здания: «Реальное училище» и «Больница» ~~и другие здания~~, которые и сейчас являются украшением города, на фоне всех новостроек; замостили четыре центральные улицы, вычистили весь город от мусора, поставили городские часы.

городские часы

Не унес же Царь эти «подарки» в кармане в Петербург!

Сожалею, что «богачи» мало сделали таких «подарков». Если еще и водоснабжение города наладили бы, какая польза была бы: ведь до сих пор, почти 100 лет после этого события, Дербент постоянно страдает от перебоев водоснабжения!

Я Вас очень хорошо понимаю

принял приглашение

Вы не довольны тем, что Николай II на ночь не ~~приехал~~ в дом к Полицмейстеру Дербента, где были готовы к встрече Высокого Гостя, а

*Угостили. Вспомогательную гостиную сфотографировали из сыновей убитого
И. И. Давыдова, с которым познакомился в первом своем приезде в Дербент.*

Среди богачей Ханукаевых были всякие люди: забияки, ~~и~~ кичливые, были и очень порядочные личности.

и мстительные

Скажу Вам более: **мы** ведь тоже Ханукаевы, но на каком-то этапе нашей семейной истории, предки моего Отца, **отказались носить эту Фамилию!!**

Один из предков моего Отца, по имени Миши, которого соседи-мусульмане называли «Мусой», а так как Он был красив, мудр и вел себя с достоинством, со временем к этому имени соседи-мусульмане прибавили и слово «Хан», а потомков его стали называть: «**Муса- ханы- овлады**», а затем уже так и приросла к нам эта новая фамилия: «Муса - хан-овы».

Впоследствии, Игорь Семенов нашел какой-то «фирман» табасаранского хана, узаконившего эту фамилию нам.

И тем не менее, я преклоняюсь перед светлой памятью многих талантливых Ханукаевых.

Вспоминается мне сейчас талантливы врач – **Пинхас Ханукаев, первый доктор наук из горских евреев Кавказа**, получивший образование в Ленинграде, служивший людям бескорыстно!

В моем детстве в конце 20-х - начале 30-х гг. помню, как ужасно люди ~~страшались~~ ^{страшались} от малярии.

Это были страшные картины: больных трясло от озноба, накинутые на них одеяла и теплые вещи вместе с ними тряслись, больные никак не могли согреться, даже в летнюю жару.

Доктор Ханукаев лечил больных доступными ему тогда медицинскими средствами, но главное – поборол эту болезнь!

Сколько ему надо было терпения и мужества, чтобы заставить понять администрацию города о необходимости уничтожения гниющие болота Дербента с источниками малярийных комаров.

И уже в конце 30-х гг. в Дербенте не было малярии! В Дербенте ^{и сейчас} ~~есть~~ и другие медики, но никто за это не брался!

В эту пору расцвета деятельности доктора Пинхаса Ханукаева по доносу в 1937г. его арестовывают как «Врага народа» и вскоре расстреляли!

Жена его, еврейка европейская из Ленинграда, вынуждена вместе с двумя малолетними детьми: девочкой 10 лет и мальчиком 7 лет уехать, чтобы избавить их от ущербности, постоянного напоминания, что они дети «Врага народа».

Я преклоняюсь перед именами и двух дочерей Ханукаевых, первых светских и советских педагогов; Сусанной Ильягуевой и Ханум Ильягуевой, сыгравших большую роль в преодолении безграмотности наших женщин, они явились и авторами первых учебников для нашего народа. Кроме того, с Ханум Ильягуевой в начале 20-х годов было связано и развитие театрального искусства нашего народа.

А имя их родного племянника, оказавшегося после окончания Горного института, в блокадном Ленинграде, сразу же вставшего в ряды защитников города, было у всех на устах: ему было поручено военным командованием, как инженеру (взрывнику) очень сложная, смертельно опасная работа по обороне города. Он должен был обезвредить неразорвавшиеся бомбы, часто огромных размеров, которые сыпались на Ленинград, и **разгадать их механизм действия.**

Он один на один оставался с неразорвавшимися бомбами, (всех жителей этих районов эвакуировали в этот период), особенно тяжелой была работа с бомбами, повисшими на электрических проводах. Даже читая сообщение корреспондентов из Ленинграда об огромной бомбе, повисшей на проводах, которую ему предстояло первый раз ^{в жизни} обезвредить, мороз проходил по коже!

А каково было ему, 24- летнему парню!

Он обезвредил 100 бомб!

^{И вписки!} Сто раз оставался один на один со смертью! Какая должна была быть у него четкая работа. ^{и никого вокруг него.}

За такую работу можно было бы и звание «Героя Советского Союза» получить!

Тогда он и подумать не мог о наградах, спасая свой любимый город. ^{и остаться}

Выполнил задание с блестящим развернутым описанием механизма ^{жизни} действия всех 100 бомб! Это вообще уникальный случай! ^{тогда естество не ищет}

После войны Он стал известным ученым, вторым доктором наук из наших ^{Серб} дербентцев, многие годы работал заведующим кафедрой своего Горного ^{Тех} института. Жена его была русской. Имел двух дочерей и сына. ^{Кл}

Считаю ему надо поставить в центре Дербента хороший памятник!

Командование было очень довольно его отчетом, после снятия блокады его отправили на Родину в двухнедельный отпуск.

Он попал сначала в Махачкалу и остановился у своего и моего любимого Дяди, известного первого профессионального нашего композитора из горских евреев, самого светлейшего представителя из Ханукаевых с чудесными голубыми глазами, Хизгила Михайловича Ханукаева, так много сделавшего для развития музыкальной культуры в Дагестане! Многие годы его музыка была позывными Дагестанского радио.

Теперь через много лет его пра-правнучке, внучке его единственной дочери – Сипро Хизгиловны Ханукаевой выпала честь в свои неполные 17 лет стать ^{ведущей} балериной, недавно созданного в Махачкале Государственного театра оперы и балета», открытие которого состоялось в 2003г. балетом Ширвани Чалаева «Горянка» по произведению Расула Гамзатова, в заглавной роли с юной праправнучкой его. (См. Эмилия Казумова, Сайда Джанбатырова «Исключение из правил»! газета «Новое дело». №14, 31 декабря, 2003, с26).

Возвращаясь к приезду младшего Ханукаева в Махачкалу отмечу, что он был очень симпатичным молодым человеком, с темными большими глазами и

блезвymi и
 очень худым. На груди красовались 2 медали и два ордена. Мы со старшей сестрой помчались на встречу с гостем, потому, что наша старшая сестра вместе с двумя детьми не покинула Ленинград, когда наши дербентские соседи уговаривали ее уехать с детьми в Дагестан из-за того, что наш единственный брат Борис Мусаханов сражался на Ленинградском фронте. Гость нас успокоил, сказав, что «теперь нормализуется жизнь в Ленинграде. Пишите им почаще письма и посылайте посылки», что мы и делали, передавая со всеми отъезжающими в Ленинград посылки. Вспоминаю наш дом тогда на Дахадаева 34, был как «штаб», все родственники и друзья, узнававшие об отъезде кого-нибудь военного в Ленинград, сообщали нам. И мы готовили по 2 посылки сразу: и нашим и тому, кто уезжал, снабжая еще деньгами на дорогу. Все посылки доходили!

Дорогой Шалум!

Все это я пишу, для того, что Вы поняли не все Ханукаевы Ваши враги, чтобы Вы не травили себя, **не мучились не обнародованной Вашей тайной!**

Советую Вам не держать боль в душе, записать во всех подробностях Вам известных, со всеми действующими лицами этой трагедии. Написанное вложить в конверт на 10-15 лет! Хорошо бы и в Государственный архив сдать копию этого материала на 15-20 лет, без права пользования им. Потом решите как поступить, **но иметь письменно зафиксированными эти сведения нужно!**

Сбросьте с себя этот «груз», **отдайте его истории!** Самое главное – перестанете ненавидеть всех Ханукаевых! Ведь многие из них, особенно молодое поколение, ни в чем не виноваты!

Если Вы будете себя иначе вести, может быть, кто-то из «них» найдет в себе силы принять участие вместе с Вами в открытии этой трагедии, не только за давностью лет. Из желания не передавать будущим поколениям ~~это~~ чувство Вины. Тем более ~~этим~~ прецедент уже был с моими предками, отказавшимися даже от своей исконной фамилии.

Подумайте об этом! И стремитесь к этому!

Не накаляйте ситуацию!

Кстати, знаете ли Вы какую подлую книжку издал старший из тех, кого Вы называли «старшим авторитетом», перед своим «марш-броском в почетную вечность», назвав ее «Ханукаевы», над которой изрядно поработал его «оруженосец» Нисон и его старшая дочь!

Читать ее и держать в руках противно, из-за вранья он уже тогда и говорить членораздельно не мог. Но его молодежь сумела издать эту книжечку со всеми

нужными им данными, фотографиями, примерно, за год до смерти автора. (Найдите и почитайте ее).

А потом, как они поступили с Нисоном: выкинули его за ненадобностью и никто из них – таких «голосистых» и «умных» не поехал на его похороны! Зато они выхлопотали для маленького сына Нисона огромное содержание от Дагестана до окончания им ВУЗА. Тайно от соседей продали квартиру отца и младшая дочь вместе с сыночком выехала в Москву, опять-таки тайно...

Это не сплетни, просто информация!

Б. Продолжу нашу беседу и о некоторых других деталях, не согласующихся с Вашими утверждениями.

Рассказывая о Поэте и его жене Наргуз, Вы все время акцентируете мысль о голотье, которую они представляют. Но как одета его возлюбленная, какой на ней наряд и «Кемер» (Кубачинский серебряный пояс, инкрустированный золотом), не всякий наш соплеменник мог подарить невесте или жене такое украшение.

И сам он одет очень красиво.

В. Несколько слов о бондарях, которых Вы представляете, как голодных и несчастных. У меня другое мнение о них. Это были мастеровые люди и востребованы всегда.

Если эти мастера не становились пьяницами, они могли кормить семью.

А хозяева бондарных мастерских считались местными богачами-капиталистами,¹ могли даже своим детям гувернанток нанимать в начале 20 в. (Я знаю эти факты).

Теперь о некоторых Ваших переводах.

Почему-то моя душа не принимает Ваш перевод из известного стихотворения Мардахая Авшолума «О моем Дербенте»:

Во втором четверостишии в третьей и четвертой строках:

«Э сер ранглуе сумогьго

Поисди Дербент-Ватан ме».

(Перевод Д.Атнилова на татский язык)

Вы перевели так:

¹ «**Медальоном** разноцветных красивых ковров/² стоит Дербент древний город родной».

У Атнилова звучит гораздо поэтичнее на нашем языке. Ваш «медальон» нарушает весь ритм стиха Атнилова.

Есть такие «натяжки» и в других стихах Поэта.

Все это, конечно, не с подлинников сделано, о чем Вы и все мы сокрушаемся.

Теперь о главном.

Судя по вашей деятельности в Москве, Вы довольно продолжительное время жили там. Встречались ли Вы лично с Д. Атниловым, рассказали ли Вы ему об интересующем Вас вопросе? Ну хотя бы поинтересовались в Союзе писателей СССР о том человеке, приехавшем из Москвы в Дербент в 1939 г., забравшем подлинники поэта у Вашего отца?

А ведь в эти годы был жив тот человек, который взял у Вашего Отца произведения Поэта!

По Вашей работе не почувствовала даже перепроверили ли Вы те ссылки Амала Кукулиева, на какие-то материалы Госархива. А ведь после издания его книги прошло 15 лет: *Он подробно рассказывает о чудовищных разбирательствах*

После издания моей книги по истории нашей литературы прошло 18 лет. *С тех пор у Вас не*

Вы хорошо знаете эту работу, спасибо Вам за упоминания о ней и обо мне в Вашей книге.

В книге есть упоминания о всех, кто из Московских писателей приезжал в Дагестан накануне Первого съезда писателей Дагестана и СССР в 1934 г. Ни один случай посещения гостей не оставался незамеченным нашими газетами, сообщавших порой подробности об их посещениях и Дербента, (организации там группы татских литераторов еще в 1934 г. *и др.*)

Представьте себе, среди них был и тот, кто вторично по собственной инициативе приехал в Дербент в 1939 г. и посетил Вашего Отца! И кому он отдал рукописи Поэта. *С как вообще могла быть отдалена...*

Когда я работала над своей книгой, я этого не знала. Только теперь я смогла его **вычислить!** Думаю я не ошибаюсь!

Теперь вспоминаю, что в 1972 г. даже познакомилась с ним на одной научной конференции в Ереване.

Тогда он оставил неприятное впечатление о себе на меня и мою коллегу Фатиму Абакарову (жену писателя А. Абу-Бакара). Мы в перерыве конференции подошли к нему познакомиться, решив, что он мой соплеменник, не расслышав его Фамилии, когда Председательствующий предоставил ему слово.

И внешность его, и артикуляция его речи говорили, что он из «наших», когда я подошла к нему, приветствуя его, как второго моего соплеменника здесь,

его лицо исказилось гримасой, от которой меня и Фатиму оторопь взяла! И мы постарались побыстрее от него отойти.

Это было на пленарном заседании. Это было в 1963 г.

Он был ниже меня ростом (если учесть мои каблуки и 165 см роста), широкоплечий, коренастый, плотноватый, со смуглым лицом, с ровными чертами лица: не армянским носом, с большими темными глазами, уже лысоватый и хорошо одетый.

Оказывается ему тогда было 75 лет, середина 80-летия.

Потом я о нем совсем забыла, Годы вычеркнули совсем его из моей памяти.

Но в конце 80-х начале 90х-гг, почти **90-летним стариком он напомнил мне о себе**, подписывая дрожащей рукой старца клеветнические письма в наш Институт о якобы моих ущербных статьях по истории нашей литературы (еще до появления моей монографии), подготовленных ему моими «друзьями»-соплеменниками!

Но и тогда мне не дано было понять, что Он окажется тем человеком, который перед войной овладел архивом Поэта!

Простите, что так задержала отклик на Вашу книгу: у меня за это время уже случилось пять дорогих потерь!...

В первую очередь решила завершить мое письмо Вам.

Ворошила, ворошила свой архив, старые свои записи и вдруг поняла, что именно этот человек, старческой рукой подписавший пасквиль Миши Мататова (сына Ехила Мататова с которым он был хорошо знаком) **и есть тот, кто взял у Вашего отца рукописи Поэта!**

Этот человек в 1934 г. познакомился с Ихиилом Мататовым, считавшимся тогда нашим лидером, вместе они ездили в Дербент. Принимали участие в организации там группы татских писателей. Видимо, тогда уже он слышал о поэте Мардахе ~~Авшале~~туме и Мататов пренебрежительно пояснил ему свой взгляд на творчество Поэта, тогда он готовил свою книгу о нашей литературе, из которой вычеркнул обоих наших тюркоязычных Поэтов, именно из-за их **ивритского алфавита!** Уже в эти годы у Мататова зреет мысль об аннулировании существовавших в многонациональных городах: Дербенте, Махачкале, Буйнакске, по одной татской школе, что и было осуществлено под его давлением после конца учебного года в 1938 г. В том же году в ноябре 1938 г. Е. Мататов был арестован и сослан в Сибирь. (Помню, сколько слез я пролила, когда он был арестован, потом в Сибири погиб: он был двоюродным братом моей Мамы).

Будучи участником революции и борьбы за советскую власть, занимая ответственные посты в Республике, Он выработал в себе революционную жестокость, КАРАЛ «революционным мечом», даже ни в чем неповинных людей, которые не могли разобраться в происходящем калейдоскопе событий.

И его Сын – Миша Мататов ^{х)} унаследовал эти черты отца, учась и работая в Москве инженером Электrolампового завода. В первые годы работы на заводе, он старался своей аккуратной работой ^{как отец} выдвинуться, в конце-концов ~~он~~ попал в партбюро цеха, потом завода и на этом посту заимел какие-то связи в Высших сферах, например с 2-мя инструкторами сначала горкома, потом ЦК, один из них был Земянин, к помощи и поддержке которого он прибегал в своих погромных статьях, наводнивших тогда не только наш институт, ДагОбком партии и Московский институт этнографии АН СССР, уже с поддержкой Земянина, взлетевшего в высшие государственные сферы.

После смерти Сталина, разоблачения культа личности и получения реабилитации отца, сын Мататова стал проявлять себя на общественной арене более активно, особенно в вопросах, касающихся нашей истории, в период разрыва наших дипломатических отношений с Израилем в духе нашего «старшего авторитета», как Вы его назвали, с которым я его познакомила в моем доме в июне 1971 г., когда он специально приехал выразить соболезнование, в связи с трагической кончиной в Москве моего супруга - Иосифа Манашировича Азизова, талантливого ученого биохимика, участника ВОВ, с боями прошагавшего до Германии, демобилизовавшегося только в 1946 г. готовившегося к защите докторской диссертации. После смерти Иосифа он стал чаще бывать в Махачкале, навещая меня, все время затевал разговоры о нашей истории и поругивал моего коллегу Михаила Мататовича, за его четкую позицию о нашем происхождении. Однажды я даже вспылила и сказала: «Спроси свою Маму кто она? «Татка» или «еврейка!»

И когда, через 7 лет моего вдовства, Михаил Мататович, потерявший тоже жену, сумел весь институт и всех моих коллег ^{друзей и знакомых} уговорить меня выйти за него замуж, в конце-концов я согласилась.

После этого и я стала мишенью критики моего родственника и его компаньонов.

Убедившись, что их пакостные письма в Даг.Обком и в дирекцию нашего института и организованные ими коллективные письма от «общественности Дербента» с вопросом: «До каких пор будут работать такие идеологически

х) Он - Михаил Ихилович Мататов. Многие его путают с Михаилом Мататовичем Ихиловым.

«извержение» люди, как Г.Б. Мусаханова и М.М Ихилов?» нужного результата им не дали (кроме нервотрепки всему коллективу и нам лично), мой вояка-родственник решил воспользоваться старым знакомым Отца, бывшего уже в ранге профессора, имя которого, по утверждению подписавшего жалобу на меня, внесено в «Литературные энциклопедии», желая окончательно «добить» меня.

Но ничего не добился, поставив старика в глупое положение. Видимо, старец уже ничего не понимал, т.к. в их совместном тексте от М. Мататова было столько нелепостей, которые просто грамотный учитель средней школы не допустил бы!

Думаю в 39 г. этот ученый муж по собственной инициативе приезжал в Дербент, сфера научных интересов которого до войны была связана с восточным фольклором, акынами, армянской культурой.

Не знаю, виделся ли он со старшим нашим «авторитетом», который тоже работал над созданием книги «Фольклор тати» в тот период.

Вскоре началась война и этот человек ~~оказался~~ оказался на фронте.

Когда я увидела его в Ереване после войны уже разменявшем 8-й десяток лет, он был вполне здоровым человеком.

Как жаль, что столько лет у Вас прошло впустую!

Теперь назову фамилию того, кто забрал архив Мардахая Авшалума – это Аршаруни А.М.

У меня есть только «Краткая литературная энциклопедия», смотрю первый том, выписываю всю статью « Аршаруни Аршалуис Михайлович (11.1896 г) Кагизман . Сов литературовед и критик. Пишет на русском и армянском языках. Начал печататься в 1912 г. А. принадлежат очерки вос. Религ. движений «Бехаизм, 1930 .», «Бабизм», 1931 г.» «Очерки панисламизма и пантюркизма в России», в соавторстве с Х Габидуллиным, 1931 г.);

15

(Статьи и исследования об армянском театре, актерах и кинофильмах («Пепо». О фильме в соавторстве с С. Вельтманом, 1936 г.; «Грация Нерсисян», 1940 г.; Из истории армян. театроведческой мысли 1956 (на армянском языке) и другие.

10

Многие работы посвящены фольклору Армении и народов Средн. Азии («Эпос советск. Востока. Дореволюционные и послеоктябрьские мотивы, в соавторстве с С. Вельтманом 1939 г.; Статьи об эпосе «Давид Сасунский», «Кёр – Оглы», о творчестве акынов и др.)

А. - автор книги «Московский университет и армянская передовая интеллигенция (1960 на АРМ.Яз. «Краткая литературная энциклопедия» т. 1, М.1962, с 335 (Госуд. Науч. издательство «Советская энциклопедия») Статья дана без портрета.

~~После войны~~ После войны в статье зафиксирована только одна новая работа доклад его на конференции в 1972 г. был посвящен теме

1972
русский
ЯЗ

У меня нет никакого сомнения, что именно Он приезжал в Дербент в 1939 г. Сообщение о его посещении Дербента было в «Захметкеш». Считаю интерес к личности нашего Поэта был у него не только профессиональным, но и национальным. Отчество его не армянское, плюс его антропологические черты. В пользу моей версии свидетельствует и такой факт: в энциклопедической справке отмечается лишь то, что он писал на армянском и русском языках, в то время, когда в статьях об армянских писателях, в первую очередь подчеркивается их принадлежность к Армянскому народу. Меня удивил и такой факт: в изданной в начале 70-х Институтом мировой литературы имени А. М. Горького в г. Москве «Истории многонациональной советской литературы» в 6-ти томах, о нем ни слова не нашла ни в одном томе, даже в томе, посвященном участником войны, даже в простом перечне литераторов того времени. А статьи об Армянской литературе всех периодов, включенные в шеститомник, с моей точки зрения, самые интересные, профессиональные и очень содержательные!

Арм. - многонациональная советская литература

В тоже время и творчество наших обоих поэтов, создававших свои произведения на диалекте азербайджанского языка, как и произведения Сулеймана Стальского, не стали фактами азербайджанской литературы. ✓

Превратности судьбы его родителей занесли их в Турцию, где в конце 19-х – начале 20-х веков сложилась очень тяжелая, трагическая ситуация, откуда они были вынуждены бежать. Вся его взрослая жизнь прошла вне Армении, к которой, наверное, душой Он был привязан.

Как жаль, что так много времени упущено.

Теперь срочно связывайтесь с «Союзом писателей России». Узнайте, когда он умер? Кто остался из его детей и внуков в Москве? Может они выехали за

за пределы страны. В Израиле их явно нет.

С ней самым Вы найдёте достаточно страниц — альманах сведений в «Справочниках» «Пресс» и «Армии»; можете связаться с потомками тех русских писателей и учёных — фольклористов, приехавших в Палестину в 1934г.

Можно обратиться и в редакцию «Литературной Энциклопедии», архивы там сохраняются.

Вы обязательно найдёте данные, которые выведут на его потомков, хранителей его архива!

Полагаю, что Ваш Отец так просто не мог отдать ценнейшие семейные реликвии первому ~~заезжему~~ заезжему гостю при всем своем гостеприимстве.

Ключом для разгадки этой ситуации являлся бы Ваш друг детства, чья якобы гость хотел кино сценарий создать в наших местах. Может быть в какой-то беседе вы могли упомянуть и о своих еврейских корнях.

Поэтому Ваш Отец мог отдать архив Маршак, Овсепуна Янулю человеку в надежде в скором времени поучить реальное широкое еврейское движение в масштабе всей страны. Фильм о его жизни, не требую расписки или с пометками архива, не сделаю или Ваша Мама (я её хорошо помню) об их стройности и красотой женщины), на мою Мама, быть на ее месте. Они обязательно поучили бы его записать свои драматические и свои адрес. Позже Ваш Отец пошел драматизм этой ситуацией, очевидно в связи с трагизмом в скоре наступившей любви...

И мне не будучи в этот момент, стараясь
 уберечь ваше драгоценное сердце, не вдаваясь
 в подробности этого вопроса.

Вы правильно сделали, это позвольте
 этот вопрос. Теперь есть реальные
 ориентиры ищите!

В то же время меня парит правдивый
 новый облик этого профессора, вращающегося
 с войной и не переставшим себя обязывать
 связывая с Вашим отцом и ответственность
 ему о ~~своей~~ своей ситуации с полугенералом
 архивом, полагаю, что "война всё стиснет"?

Думая, никто из "больших ученых"
 фрейклеристов и имитаторов не
 так не поступит!

Не случайно же Он мне не прекра-
 тился при встрече в Бресте в 1972.

Ищите его петолков!

Будь я помаломе и здоровее, сама
 поехала бы к вам почкам!

Ищите повсюду!

Не забывайте народный мудрец:
 "Кто ищет, тот всегда найдет!"

Мелати Вам удачи!

С уважением и признательностью:
 Тамара Мухоморова.

Г. С.

Простите за поправки, совсем слепую.
Я трижды перепечатывала мне письмо Вам
у двух разных компьютерщиц, этот текст
оказался для них трудным, особенно
"гунми" оказался текст статьи из Инцакло
"пиди". Два месяца все это пере-
печатывалось!

Простите, что посылаете в адрес
"Кавказской Газеты", у меня есть их
точный адрес, мне легче его написать
вам на письме.

Г. С.

Махачкала

20 августа.